

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В РУССКОЙ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЭТНОНИМИИ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

А.И. Грищенко

Аннотация. В статье рассматриваются экспрессивные (прозвищные) этнонимы русского языка, чья активизация на рубеже XX–XXI вв. связана с повышением в постсоветском обществе роли этнических факторов. Целый ряд экспрессивных этнонимов отражает половозрастную и собственно социальную дифференциацию общества в регионах России (Татарстан, Башкирия, Якутия, Адыгея, Чувашия) и некоторых бывших советских республиках (Казахстан, Украина, Киргизия, Узбекистан, Молдавия).

Ключевые слова: экспрессивные этнонимы (этнофолизмы); термины родства; половозрастная и социальная терминология; разговорная речь; просторечие; регионализмы; межкультурная коммуникация; этничность; постсоветское общество.

Summary. The article reviews Russian ethnic slurs (ethnophaulisms, ethnic nicknames), the activation of which at the turn of 20th – 21st centuries being connected with increase of the role of the ethnic issues in post-Soviet society. A range of the ethnic slurs reflects the age and gender and properly social differentiation of the society in the Russian regions (Tatarstan, Bashkiria, Yakutia, Adygea, Chuvashia) and in a number of former Soviet republics (Kazakhstan, Ukraine, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Moldavia).

Keywords: ethnic slurs (ethnophaulisms); kinship, age, gender and social terms; colloquialisms; vulgarisms; localisms; cross-cultural communication; ethnicity; post-Soviet society.

328

В связи со снятием в начале 1990-х гг. в русском языковом сообществе многочисленных языковых табу, с одной стороны, и активизацией межэтнических отношений (прежде всего, конфликтных), с другой – в русской речи 1990–2000 гг. наблюдается сильный всплеск в употреблении старых и в появлении новых экспрессивных этнонимов, или этнофолизмов, которые носят в основном сниженный стилистический характер и обладают яркой пейоративной окраской.

Данная тенденция в русском языке постсоветского периода была отмечена пока только в англоязычной, работе Э. Драйцера [1, 104–105]. Большая часть экспрессивных этнонимов связана с внелитературной языковой стихией, однако не стоит из этого факта делать прямолинейные выводы об их преимущественном употреблении среди социальных низов. Анализ бытования современных социолектов свидетельствует об очень сложной социокультурной структуре российского об-

щества 1990–2000-х гг., которая напрямую уже не связана со стилистическими оппозициями типа «высокий – низкий», «книжный – разговорный». Таким образом, нельзя говорить и о собственно социальных ограничениях в употреблении экспрессивных этнонимов: они в том или ином количестве и с той или иной частотностью представлены в речи всех социальных групп носителей русского языка. Тем не менее экспрессивные этнонимы отражают социокультурную дифференциацию как русского языка, так и самого общества.

Процесс активизации экспрессивных этнонимов как таковой отражает повышение социальной роли этнических и этноконфессиональных различий. Если в советский период официальный дискурс утверждал существование «новой наднациональной общности – советского народа» и бесконечно воспроизводил такие пропагандистские клише, как «дружба народов», «братский народ», «семья народов» и т.п., – то в постсоветское время, когда на территории бывшего СССР начали вспыхивать межэтнические конфликты, как явные (вплоть до военных), так и скрытые (на бытовом, «бескровном», уровне), свою актуальность старые интернационалистические штампы потеряли довольно быстро. Наоборот, особую актуальность приобретают новые клише, подчёркивающие этнические различия между различными группами населения. Это касается, прежде всего, самого термина *этнос* и его производных, которые подвергаются активной детерминологизации в языке СМИ, напр., *этнические преступные группировки*, *этнические конфликты*, *этническая дискриминация*, – и многочисленные сложные слова с первой частью *этно-* (превраща-

ющаяся зачастую в отдельное несклоняемое прилагательное), напр., *этногруппировка*, *этнодискриминация*, *этнокриминальный*, *этнократия*, *этнопреступление*, *этнопреступность*, *этнофобия* и т.п. Очень высока частотность употребления в Интернете и печатных СМИ слов *этнонационализм* и *этнонационалисты*, а также *этнокультура* (vs *национализм* и *националисты*, *культура*). Наблюдаемая *этноэкспансия* подвергается некоторой рефлексии. Так, В. Соловей вводит термин *этнизация сознания*, которым характеризует современное общество: «*Это означает, что русские начинают осмыслять мир в этнических категориях. Не в социальных, не в политических, не в культурных, а именно в этнических*» (Е. Забродина. Валерий Соловей: Русские сами боятся своей этничности // Московские новости. №38. 06.10.2006).

Большая часть экспрессивных этнонимов, включённых в наши подготовительные материалы к соответствующему словарю [2, 707–710], вошла в активное употребление в русском языке лишь в последние десятилетия, напр.: *азеры* ‘азербайджанцы’, *аллаяфы* ‘башкиры’, *блэки* ‘негры’, *грузы* ‘грузины’, *даги* ‘дагестанцы’, *индуи* ‘индийцы’, *кураты* ‘эстонцы’, *мамбеты* ‘казахи’, *норги* ‘норвежцы’, *поднебесники* ‘китайцы’, *талибы* ‘представители коренных народов Средней Азии’ и т.д. В основе номинации современных экспрессивных этнонимов русского языка лежат разнообразные признаки, образующие целые мотивационные типы, общие для разных языков (см. подробнее об этом в работах [3, 120–123; 4, 47–50]), напр., расовые особенности, связанные с цветообозначением, самоназвания именуемых народов, наиболее частотные в их ономастиконе имена и т.д. Довольно

распространены также усечённые варианты общеупотребительных литературных этнонимов.

Кроме того, среди экспрессивных этнонимов есть и такие, которые, помимо «этнической семьи», обладают и некоторыми другими элементами значения, имеющими социокультурное происхождение. Так, некоторые слова, обнаруженные нами, не будучи производными со значением женскости и детскости от слов, обозначающих представителей иных народов (типа *блэковка, хачовка, аллорница*), маркированы по половозрастным признакам. Причём все они обозначают представителей различных тюркоязычных народов, напр.:

апáйкa (варианты словообразовательные, фонетические и орфографические: *апúшка, апáшка, апá, опúшка*¹) ‘тюркоязычная женщина среднего или пожилого возраста’ (в зависимости от региона распространения может обозначать представительниц разных коренных народов: татарку, башкирку, чувашку, казашку, узбечку и т.д.): «[Об узбечке в парандже, Маша]: “Ты что, это ж просто *опá, опушка* обыкновенная!” Нет, ни к какой лесной опушке диковатое сооружение отношения не имело!» (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы, 2006; курсив и знак ударения автора — А.Г.); «Мы кумыс в бутылках с этикетками не покупаем, у нас его на базаре

колоритные *апáйки* на розлив продают» (блог, Усть-Каменогорск); «Из толпы вышла *пожилая апáшка* Кульджахан Актулеева (Караван, Казахстан; 20.02.1998);

кызы́мка (менее «аутентичный» вариант *кызды́мка*² уже имеет лексикографическую фиксацию в [5, 195] с записью 1991 г.: [*самá кызды́мка, а дэтям рúский припадаёт*]) ‘тюркоязычная девочка или девушка (реже — женщина среднего возраста)’ (в зависимости от региона также может обозначать представительниц разных коренных народов): «*татарские дэушки кызымки* завернутые глухо наглухо в платки могут быть ко всему прочему еще и кастратками!!!» (форум, Татарстан, 19.03.2007); «Вот такие мы *азиатские тётеньки-кызымки!*» (форум, 31.08.2006).

В образовании данных терминов участвует русский формант *-к(а)*, который использовался в аналогичных заимствованиях достаточно давно. Кроме зафиксированного ещё В.И. Далем слова *апáйка* (в значениях ‘татарка’ и ‘чувашка’ [6, 49]; другие значения, связанные со среднеазиатским контекстом, появляются у этого слова, видимо, в советское время, особую актуальность оно приобретает в 1990-х гг.), это такие слова, как *хёрка*³ ‘чувашская девочка или девушка’ [8, 1184] и *малáй(ка)*⁴ ‘татарский (или башкирский) ребёнок (любого пола)’ (чаще употребляется мн. *малáйки*) [9, 317].

¹ От общетюркского *ана* (ср. тат. ‘старшая сестра; тётя’, каз. ‘мать; тётя; почтительное обращение к старшей по возрасту женщине’, узб. *она* ‘старшая сестра’, чуваш. диал. ‘бабушка со стороны отца’, также *апáй* ‘мать; тётца; старшая золовка; бабушка со стороны отца’).

² От общетюркского *кыз* ‘девочка; девушка; дочь’ и *кызым* ‘девочка (доченька) моя (обычно в обращении)’.

³ От чуваш. *хёр* ‘девочка; дочь’ [7, 239] — фонетический вариант общетюркского *кыз* (см. выше).

⁴ От тат., башк. *малáй* ‘мальчик; сын; ученик, подмастерье’ (будучи заимствованием из русск. *малой*, и в традиционных русских говорах Поволжья, Прикамья и Урала, и в современной интернет-коммуникации жителей этого региона оно воспринимается уже как исконный тюркизм, особенно в форме *малáйка*).

Другой регион (за пределами Татарстана и Башкирии), в котором подобные образования в современной русской речи составляют целую парадигму, — Казахстан. Распространённые здесь слова с формантом *-шк(а)* могут обозначать лиц не только женского пола, но и мужского.

Специфическое социальное устройство современного казахстанского общества отражено в близких экспрессивным этнонимам словах, восходящих к казахским терминам родства. Самым значимым из них является термин *ага́шка*¹: «Агашки — неформальные племенные авторитеты, от их отношения зависят судьбы дальних и ближних родственников, седьмой воды на киселе, и еще очень многих. С этим институтом приходится считаться» (О. Джемаль. Такая кланированная Россия // Новая газета. 27.09.2004. № 71.); «Агашка — это смесь высокого социального положения, неуважения к труду и паразитического образа жизни» (В. Юрицын. «Невидимая рука» агашек. Кто реально управляет Казахстаном? 16.02.2009, сайт centrasia.ru). Слово *агашка*, особенно во мн. *агашки* чрезвычайно частотно в Интернете: поисковая система Яндекс на соответствующий запрос выдаёт результат в более чем 28 тыс. страниц, из них на серверах Казахстана размещено 22 тыс. страниц. Т.о., мы имеем дело с типичным регионализмом.

Гораздо реже употребляется в том же значении слово *агата́йка*², напр., «Работал у нашего бывшего шефа такой агатайка в замах, всегда упакован-

ный в импортные шмотки со стороны смотрелся достаточно солидно да и вообще гардероб имел респектабельный» (06.02.2007, сообщение на казахстанском форуме «Центр тяжести»: <http://bb.ct.kz/>). По аналогии с термином *агашка* (который возник, вероятно, по образцу более старого *апа́шка*) появляются слова *татёшка*³ (женский коррелят к *агашка*) и *кокёшка*⁴, *ата́шка*⁵ (то же, что *агашка*), а также ещё несколько ещё более редких слов, производных от фамильярно-разговорных форм распространённых казахских личных имён *Баке*, *Саке*, *Маке* (и апеллятива *бас* или *бастык* ‘начальник’) и всегда перечисляющихся в одном ряду с указанными выше, напр.: «Порвут ведь Казахстан продажные засаленные Бакешки и Кокешки» (28.04.2008, портал «Свободная Азия»: <http://freeas.org/>); «...не той национальностью и языком вышел, штоб кокешки и агашки, макешки, басекешки дальше двигали сына» (24.03.2009, сообщение в блоге <http://furnation.ru/>); «во всех сферах сидят только кокешки, бакешки, сакешки» (26.01.2009, портал <http://www.zakon.kz/>).

Вопрос о том, насколько специфично рассмотренное явление в русской речи Казахстана, остаётся открытым, однако уже ясно, что наибольшего распространения подобные термины получили с 1990-х гг. именно в Казахстане. Например, в Узбекистане с его также сложной клановой системой они вовсе неупотребительны (кроме слова *отушка*, в данном случае не образующего ряда). Пока никакой инфор-

¹ От казах. *ага* ‘старший; старший брат’ и *агай* — вежливое обращение к учителю, к дяде, к старшему по возрасту мужчине.

² От казах. *агатай* ‘братец; дяденька (ласковое обращение к старшему)’.

³ От казах. *тәте* ‘тётя’.

⁴ От казах. *көке* ‘отец; дядя’.

⁵ От казах. *ата* ‘дед; отец’.

мации нет из Туркменистана (что не удивительно ввиду информационной закрытости данной страны и малочисленности русского населения). Несколько примеров подобных образований обнаружено нами в текстах, происходящих из Киргизии: «...теперь наши “акешки”, “байкешки”, “авашки” и “тайкешки” быстро начинают перевоплощаться» (А. Джусупов. «Не хочется стартовать аутсайдерами» // Моя столица (общественно-политическая газета, Кыргызстан). 12 июня 2007 г.); «Теперь мои деньги, деньги налогоплательщика, пойдут на возмещение уворованного байкешами. Байкешки же останутся при своем» (сообщение пользователя «Живого Журнала» gogiman, 31.05.2007). Термины *акёшка*, *авёшка*, *байкёш* (*байкёшка?*), *тайкёш* (*тайкёшка?*) происходят от соответствующих киргизских слов *аке* ‘отец’, *ава* ‘старший брат’; дядя’, *байке* ‘почтительное обращение к старшему мужчине’ (в той же функции употребляются и два предыдущих слова), *тай аке* ‘старший родственник по материнской линии’.

Этнонимический статус слов типа *агашка*, *малайка*, *аташка* и т.п. остаётся под вопросом, поскольку они в первую очередь обозначают лиц по половозрастной и родственной принадлежности (а также по особым социальным статусам, неизвестным русской языковой картине мира), при этом данные слова несут на себе яркий «этнический» отпечаток, обозначая представителей конкретных тюркских народов, так что функционирование их в качестве экспрессивных этнонимов вполне закономерно.

Другая группа социально маркированных слов, близких экспрессивным этнонимам, кроме собственно «этнического» содержания, имеет сему ‘сельский житель’ (а сами слова могу

также «переводиться» на литературный язык как «мужлан», «деревенщина», «неотёсанный»). Многие из них имеют соответствующую внутреннюю форму (не всегда прозрачную без обращения к языку того народа, чьих представителей они обозначают):

дерубас, *дирик* ‘(сельский) якут’ (вероятно, от якут. *дэриэбинэ* ‘деревня’ – заимствование из русского языка, вернувшееся в современный русский сленг в таком тюркизированном виде; экспрессивный формант *-ас* также возник на русской почве, поскольку в якутском языке подобное сочетание гласных в пределах одного слова невозможно), напр.: «...На руководящих постах также сидят дерубасы, и они подтягивают в город своих земляков, племянников, родственников» (21.12.2000, якутский форум «Rulez & Sux»: <http://poetry.ykt.ru/>);

улусник ‘(сельский) якут’ (улус – административно-территориальная единица Республика Саха (Якутия), так же в русской речи Бурятии, Калмыкии и Якутии называют сёла с коренным нерусским населением), напр.: «ниразу не слышал о том чтобы улусниками называли русских деревенских <...> всем известно, что улусниками называют саха из деревень» (22.05.2009, форум «Якутск Online»: <http://forum.yal.ru/>);

крест ‘(сельский) якут’ (жаргонное усечение литературного *крестьянин*; употребляется не только по отношению к якутам из сельской местности, но и к русским – в тех регионах, где преобладают русские сёла, напр., в Омской обл. [5, 229]): «Мамбеты (они же дерубасы, дирики, “кресты”) – люди своеобразные. Обычно эти ребята ходят группами, пьют пиво “Балтика” и пугают людей грозными нечленораздельными выкриками типа

“Доо!”. Чуть что не то — сразу за кулаки» (Н. Беляев. ШОКнутые, или Мамбетизация общества. Научный взгляд на щекотливую тему // Молодёжь Якутии. № 20. 30.05.2005);

чилийец ‘(сельский) адыгеец’ (от адыг. *чылэ* ‘село; сельский’ — такое же «вернувшееся» заимствование из русского, как тат. *малай* или якут. *дэрибинэ*), напр.: «По вечерам эти “чилийцы” ходят по городу стаями, и нашим детям с ними лучше не встречаться. Их даже сами городские адыги не любят» (Д. Соколов-Митрич. Легко ли быть русским в Адыгее (И адыгом — в России) // Известия. 20.03.2007); «“**Чилийцами**” городские черкесские юноши зовут своих аульских сверстников. Правда, за последнее время это слово перешло и в лексикон русской молодёжи» (23.03.2007, сообщение пользователя «Живого Журнала» kirillankudinov — жителя Майкопа К. Анкудинова);

аулбай (от русск. *аул* ‘казахское село’ (казах. *ауыл*) и распространённой тюркской антропонимической модели на *-бай* ‘богатый; богач’, ср. личные имена *Назабай, Жорабай, Алимбай, Бисембай* и т.п.) ‘(сельский) казах’, напр.: «...в основном так приезжие **аулбаи** делают, а потом всему селу показывают...» (22.10.2007, комментарий к фотографии на сайте Государственного фонда развития молодёжной политики г. Алматы: <http://zhastar.com/>); «...Кажегильдин развалил село и **аулбаи** в прямом смысле от голода в город побежали кормятся и причем не хотят окультурироваться а еще и гордятся своими антигигиеническими привычками!» (08.03.2009, казахстанский форум «Центр тяжести»: <http://bb.ct.kz/>);

царанин (от молд. *цэран* ‘крестьянин’) ‘(сельский) молдаванин’, напр.: «...А зачем молдованам город, ведь они **цараны**, и сейчас у власти люди, у ко-

торых менталитет...» (26.09.2006, форум «Кишинёв»: <http://forum.md/>); «...**царан** по-румынски — крестьянин, так обидно называют молдованов/румын, обычно с поводом — если они себя вели как деревенщины/гопота/остальное отсталое общество...» (09.07.2007, сообщение пользователя «Живого Журнала» pleased_knave).

В других экспрессивных этнонимах, также имеющих существенную сему ‘сельский (житель)’, внутренняя форма уже не столь прямолинейно отсылает к селу (если вообще подвергается анализу):

ал(л)аярын ‘(сельский) башкир’ (варианты: *ал(л)оярын*, мн. *ал(л)аяры*, *ал(л)ояры*, *ал(л)аяре*, *ал(л)ояре* — тёмное слово: возможно, от мусульманского личного имени *Аллаяр*), напр.: «**Аллаяры** — это, проще говоря, тупая деревенщина» (16.01.2005, форум <http://groups.yahoo.com/>); «...нами руководят **Аллаяры** из прибашкирских сёл!» (05.04.2007, сообщение пользователя «Живого Журнала» scarpka — жительницы Уфы 1988 г. рождения);

муль (тёмное слово: возможно, усечение *мульдван* — искажённого *молдован* ‘молдаванин’) ‘(сельский) молдаванин’, напр.: «**Мули** — презрительное название местного перманентно быкующего населения» (30.09.2007, А. Versilov, портал «Общелит.Ру — Стихи»: <http://www.obshelit.ru/>);

мырк (тёмное слово) ‘(сельский) киргиз’, напр.: «Неужели бузотерам приятно, когда Кыргызстан некоторые злоязычные соседи за глаза называют “басмачьим краем”, “республикой голимых **мырков**” и “страной перманентной революции”?» (Вечерний Бишкек, 20.10.2006); «...некоторые ассоциируют это слово “**мырк**” с титульной национальностью (кажись, это наблюдается каждой постсоветской

стране) <...> поскольку большинство **мырков** к нам приезжает из сёл, то и национальный состав у иногородних **мырков** почти одно<ро>дный» (05.05.2008, сообщение пользователя «Живого Журнала» dancheg – жителя Бишкека 1984 г. рождения);

харьѳ (от ст.-узб. *харип* ‘товарищ; парень’) ‘(сельский) узбек’, напр.: «Освобожденные ими [коренными ташкентцами – А.Г.] места постепенно заняли выходцы из областей, сельской глубинки, принесшие с собой патриархальные взгляды, традиционные обычаи, даже другую моду и вкусы, заметно изменившие весь уклад жизни в некогда сильно европеизированном городе. Коренные ташкентцы-узбеки даже дали многочисленным внутренним мигрантам известное прозвище с пренебрежительным оттенком – “харипы”» (А. Кудряшов. Ташкент - закрытый город? Жителем столицы Узбекистана сегодня легче родиться, чем стать // ИА «Фергана.ру»: <http://www.ferghana.ru/>);

гардаѳи (от азерб. *гардаш* ‘друг, приятель; брат’) – кличка азербайджанца из сельской местности в русскоязычном Баку (запись 1983 г.)» [10, 37].

Есть также два тёмных по происхождению слова, связанные с украинским ареалом. **Рагуль** ‘житель села, переехавший во Львов; западный украинец (из сельской местности)’, напр.: «Так называемые “львовьяне” это на 99.9% рагули. Так у нас называют выходцев из села» (29.07.2007, форум информационно-аналитического издания «Фраза»: <http://frazua.com/>). **Кукут** ‘украинец (из сельской местности)’, напр.: «Объясняю: *кукуты* и *рагули* – это две разновидности самых паскудных в мире украинских жлобов. *Кукуты* проживают в Восточной, Центральной и Северной Украине. *Рагули*, ес-

тественно, – в Галичине и на Волыни» (фиксация на форуме «Городские диалекты»: <http://forum.lingvo.ru/>); «Поспорили мы тут с товарищем на бутылку водки о том, что обозначает слово “кугут”. Я считаю, что так называют супер жадного, скупого человека, а он говорит, что “кукуты” это такая национальность, что-то ближе к татарам. У кого ни спросим – ни кто точно сказать не может, хотя это слово знают многие» (Там же).

Все рассмотренные термины с семьей ‘сельский (житель)’ непарны, не имеют соответствующих специальных коррелятов с семьей ‘городской (житель)’, возможны только аналитические номинации типа *городской якут*, *городской башкир* и т.д. Единственное исключение – происходящие из Казахстана экспрессивные этнонимы **мамбѳт** (от одного из тюркских вариантов мусульманского имени Мухаммед) и **калбѳт** (тёмное слово), у которых есть пара **асфальт** ‘городской (обрусевший, забывший казахский язык) казах’, ср.: «...корейцы предпочитают корейцев, мамы своих однокорытных мамбетов – даже невеж и тупиц (лишь бы жил по приказу и лизал бастыка), а не асфальтовых манкуртов; асфальты предпочитают асфальтов или лиц “европейской наружности” + толковых» (22.09.2008, анонимный комментарий на сайте казахстанской интернет-газеты «Zona^{KZ}»: <http://www.zonakz.net/>); «В Казахстане живут калбиты. Калбиты делятся на асфальтов и мамбетов. И тем не менее общеродовой этноним – “калбит”» (02.07.2007, сообщение пользователя nomad-KZ в «Казахстанском универсальном блоге»: <http://www.kub.biz/>).

Таким образом, в современной русской языковой картине мира (обыденной, неэлитарной, связанной с разговорной стихией и общим жарго-

ном) этнические границы (реальные и/или мнимые) между людьми (живущими в пределах одного города и/или региона) вполне осознаны, хотя и не всегда отчётливы; основная граница проходит по линии «свои – чужие».

Социально маркированными и социально дифференцирующими в системе русской экспрессивной этнонимии рубежа XX–XXI вв. оказываются такие признаки, как иноэтничность, принадлежность к «чужому народу», женский пол, детский и преклонный возраст, а также принадлежность к сельской местности (исключение: Казахстан – единственный из обследованных нами регион, где в современной русской речи имеется специальный термин с семой ‘городской (житель)’; объясняется это тем, что в Казахстане примерно одинаковое соотношение между городскими и сельскими жителями, в отличие от России: на 1999 г. городское население страны составляло 56,0%, сельское – 44,0% [11]). Отсюда и такие стереотипные (и порой противоречивые) представления о сельских жителях иной этнической принадлежности, как некультурность, необразованность, дикость, отсталость, немодность, слабое владение языком именуемого народа (русским), агрессивность по отношению к городским жителям, особенно к представителям именуемого народа (русским), клановость и коррумпированность, основанная на связях с местными властными структурами.

Слова со значением, распадающимся на две основные семы: 1) ‘представитель какого-либо (иного) народа’ («этническая сема») и 2) ‘лицо по принадлежности к социальной, половозрастной и иной группе’ («специальная сема»), – принадлежат к переходной зоне между собственно экс-

прессивными этнонимами и апеллятивной лексикой, составляя резерв экспрессивной этнонимии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Draitser E.* Talking penguins to the movies: ethnic humor in Russia. – Detroit, 1998.
2. *Грищенко А.И.* Принципы составления словаря экспрессивных этнонимов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры...: Международная научно-практическая конференция 17–19 марта 2006 г. – М., 2006.
3. *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М., 2007.
4. *Фофин А.И.* Русские и французские этнофолизмы как вербальные знаки национальной нетерпимости // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 1.
5. Словарь современного русского города... / Под ред. Б.И. Осипова. – М., 2003.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Изд. 4-е / Под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртене. – Т. 1. – СПб.; М., 1912.
7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – Т. 4. – М., 2004.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь... – Т. 4. – СПб.; М., 1914.
9. Словарь русских народных говоров. – Вып. 17: Леснокаменный-Масленичать. – Л., 1981.
10. *Вальтер Х., Мокшенок В.М.* Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск / Под ред. А.А. Шумейко. – Грайфсвальд, 2004.
11. Социально-демографические процессы в Казахстане: 1990–2000 гг. // HeritageNet – Kazakhstan (сеть культурного наследия стран Центральной Азии: ЮНЕСКО): <http://www.unesco.kz/heritagenet/kz/>